

И. А. Бунин

Воспоминания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Б91

Б91 **Бунин И.А.**
Воспоминания / И. А. Бунин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 274 с.

ISBN 978-5-458-24960-7

Автобиографические заметки И. А. Бунина

ISBN 978-5-458-24960-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И. А. БУНИНЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЗРОЖДЕНИЕ — LA RENAISSANCE
73, Avenue des Champs Elysées
П а р и ж ъ

Tous droits de reproduction et de traduction réservés
pour tous les pays, y compris la Russie.
Copyright by Ivan Bunin, 1950.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Нѣкоторыя автобіографическія замѣтки, касающіяся главнымъ образомъ моей писательской жизни, были напечатаны мною лѣтъ пятнадцать тому назадъ в собраніи моихъ сочиненій, изданномъ в Берлинѣ «Петрополисомъ».

Дополняю ихъ нѣкоторыми новыми.

(Курсивъ всюду мой; дѣлая выписки изъ стиховъ и прозы с новой орфографіей, я даю ихъ по старой).

Моя писательская жизнь началась довольно странно. Она началась, должно быть, в тотъ безконечно давній день в нашей деревенской усадьбѣ в Орловской губерніи, когда я, мальчикъ лѣтъ восьми, вдругъ почувствовалъ горячее, безпокойное желаніе немедленно сочинить что-то вродѣ стиховъ или сказки, будучи внезапно пораженъ тѣмъ, на что случайно наткнулся в какой-то книжкѣ с картинками: я увидалъ в ней картинку, изображавшую какія-то дикія горы, бѣлый холстъ водопада и какого-то приземистаго, толстаго мужика, карлика с бабьимъ лицомъ, с раздутымъ горломъ, т. е. с зобомъ, стоявшаго под водопадомъ с длинной палкой в рукѣ, в небольшой шляпкѣ, похожей на женскую, с торчащимъ

сбоку птичьим пером, а под картинкой прочел подпись, поразившую меня своим послѣдним словом, тогда еще, к счастью, неизвѣстным мнѣ: «*Встрѣча в горах с кретином*». Кретин! Не будь этого необыкновеннаго слова, карлик с зобом, с бабьим лицом и в шляпкѣ вродѣ женской показался бы мнѣ, вѣроятно, только очень противным и больше ничего. Но кретин? В этом словѣ мнѣ почудилось что-то страшное, загадочное, даже как будто волшебное! И вот охватило меня вдруг поэтическим волненіем. В тот день оно пропало даром, я не сочинил ни одной строчки, сколько ни старался сочинить. Но не был ли этот день все-таки каким-то началом моего писательства?

Во всяком случаѣ, можно подумать, будто нѣкій пророческій знак был для меня в том, что наткнулся я в тот день на эту картинку, ибо во всей моей дальнѣйшей жизни пришлось мнѣ имѣть не мало и своих собственных встрѣч с крестинами, на вид тоже довольно противными, хотя и без зоба, из коих нѣкоторые, вовсе не будучи волшебными, были, однако, и впрямь страшны и особенно тогда, когда та или иная мѣра крестинизма сочеталась в них с какой-нибудь большой способностью, одержимостью, с какими-нибудь истерическими силами, — вѣдь, как извѣстно, и это бывает, было и будет во всѣх областях человѣческой жизни. Да что! Мнѣ, вообще, суждена была жизнь настолько необыкновенная, что я был современником даже и таких крестин, имена которых на вѣки останутся во всемирной исторіи, — тѣх «величайших гениев человечества», что разрушали цѣлыя царства, истребляли миллионы человѣческих жизней.

Я родился в Воронежѣ, прожил в нем цѣлых три года, а кромѣ того провел однажды цѣлую ночь, но Воронеж мнѣ совсѣм неизвѣстен, ибо в ту ночь, что провел я в нем, я его не мог видѣть: приглашен был воронежским студенческим землячеством читать на благотворительном вечерѣ в пользу этого землячества, пріѣхал в темные зимніе сумерки, в метель, на вокзалѣ был встрѣчен с шампанским, не мало угощался и на вечерѣ и перед разсвѣтом был снова отвезен на вокзал к московскому поѣзду уже совсѣм хмѣльной. А тѣ три года, что я прожил в Воронежѣ, были моим младенчеством.

Из Воронежа родители увезли меня в свое орловское имѣніе. Вот с этой поры я и начинаю помнить себя. Там прошло мое дѣтство, отрочество.

В тѣ годы уже завершалось преславитое дворянское «оскудѣніе», — под таким заглавіем написал когда-то свою извѣстную книгу нынѣ забытый Терпигорев-Атава. Послѣ него называли послѣдним из тѣх, которые «воспѣвали» погибающія дворянскія гнѣзда, меня, а затѣм «воспѣл» погибшую красоту «вишневых садов» Чехов, имѣвшій весьма малое представленіе о дворянах помѣщиках, о дворянских усадьбах, о их садах, но еще и теперь чуть не всѣх поголовно плѣняющій мнимой красотой своего «вишневого сада». Я Чехова за то очень многое, истинно прекрасное, что дал он, причисляю к самым замѣчательным русским писателям, но пьес его не люблю, мнѣ тут даже неловко за него, непріятно вспоминать этого знаменитаго Дядю Ваню, доктора Астрова, который все долбит ни к селу, ни к городу что-то о необходимости насажденія лѣсов, какого-то Гаева, будто бы ужа-

снаго аристократа, для изображенія аристократизма котораго Станиславскій все время с противной изысканностью чистил ногти носовым батистовым платочком, — уж не говорю про помѣщика с фамиліей прямо из Гоголя: Симіонов-Пищик. Я рос именно в «оскудѣвшем» дворянском гнѣздѣ. Это было глухое степное помѣстье, но с большим садом, только не вишневым, конечно, ибо, вопреки Чехову, нигдѣ не было в Россіи садов *сплошь* вишневых: в помѣщичьих садах бывали только *части* садов, иногда даже очень пространныя, гдѣ росли вишни, и нигдѣ эти части не могли быть, опять таки вопреки Чехову, как *раз* *возлѣ* господскаго дома, и ничего чудеснаго не было и нѣтъ в вишневых деревьях, совсѣм некрасивых, как извѣстно, корявых, с мелкой листвою, с мелкими цвѣточками в пору цвѣтѣнія (вовсе не похожими на то, что так крупно, роскошно цвѣтет как раз под самыми окнами господскаго дома в Художественном театрѣ); совсѣм невѣроятно к тому же, что Лопахин приказал рубить эти доходныя деревья с таким глупым нетерпѣніем, не давши их бывшей владѣлицѣ даже выѣхать из дому: рубить так поспѣшно понадобилось Лопахину, очевидно, лишь затѣм, что Чехов хотѣлъ дать возможность зрителям Художественнаго театра услышать стук топоров, воочию увидѣть гибель дворянской жизни, а Фирсу сказать под занавѣс: «Человѣка забыли...» Этот Фирс довольно правдоподобен, но единственно потому, что тип стараго барскаго слуги уже сто разъ был написан до Чехова. Остальное, повторяю, просто несносно. Гаев, подобно тому, как это дѣлаютъ нѣкоторые персонажи и в другихъ пьесахъ Чехова, постоянно бормочетъ среди разговора с кѣм-

нибудь чепуху, будто бы играя на бильярде: «Желтого в середину... Дуплет в угол...» Раневская, будто бы помещица и будто бы парижанка, то и дело истерически плачет и смеется: «Какой изумительный сад! Бѣлые массы цвѣтов, голубое небо! Дѣтская! Милая моя, прекрасная комната! (плачет). Шкапик мой родной! (цѣлует шкаф). Столик мой! О, мое дѣтство, чистота моя! (смеется от радости). Бѣлый, весь бѣлый сад мой!» Дальше, — точно совсѣм из «Дяди Вани», — истерика Ани: «Мама! Мама, ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя... я благословляю тебя! Вишневый сад продан, но не плачь, мама! Мы насадим новый сад, роскошнѣе этого, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерній час, и ты улыбнешься, мама!» А рядом со всѣм этим — студент Трофимов, в нѣкотором родѣ «Буревѣстник»: «Вперед! — восклицает он. — Мы идем неудержимо к яркой звѣздѣ, которая горит там, вдали! Вперед! Не отставай, друзья!»

Раневская, Нина Зарѣчная... Даже и это: подобные фамиліи придумывают себѣ провинціальныя актрисы.

Впрочем, в моей молодости новые писатели уже почти сплошь состояли из людей городских, говоривших много несуразнаго: один извѣстный поэт, — он еще жив и мнѣ не хочется называть его, — разсказывал в своих стихах, что он шел «колосья пшена разбирая», тогда как такого растенія в природѣ никак не существует: существует, как извѣстно, просо, зерно котораго

и есть пшено, а колосья (точнѣе, метелки) растут так низко, что разбирать их руками на ходу невозможно; другой (Бальмонт) сравнивал лунь, вечернюю птицу из породы сов, опереніем сѣдую, таинственно-тихую, медлительную и совершенно безшумную при перелетах, — со страстью («и страсть ушла, как отлетѣвшій лунь»), восторгался цвѣтеніемъ подорожника («подорожник весь в цвѣту!»), хотя подорожник, растущій на полевых дорогах небольшими зелеными листьями, никогда не цвѣтет; а что до дворянских помѣстій и владѣльцев их, то Гумилев изображал их уж совсѣм плохо: у него в этих помѣстьях —

Дома косые двухъэтажные
И тут же рига, скотный двор, —

а сами помѣщики и того удивительнѣе, они, оказывается, «гордятся новыми поддевками» и по тиранству, по Домострою не уступают любому старозавѣтному Титу Титычу: дочери ихъ будто бы пикнуть при них не смѣют и, принуждаемыя ими выходить замуж за постылых, нелюбимых, подумывают «стать русалками», то есть утопиться гдѣ-нибудь в рѣчкѣ или в пруду. А совсѣм недавно один из видных совѣтских поэтов описал какого-то охотника, который идет в лѣсу «по дерну» и «несет в ягташѣ золотую лису»: это так же правдоподобно, как если бы он нес в карманѣ собаку.

Кстати: почему свой театр Станиславскій и Немирович назвали «художественным» — как бы в отличіе от всѣх прочих театров? Развѣ художественность не должна быть во всяком

театръ — как и во всяком искусствѣ? Развѣ не претендовал и не претендует каждый актер в каждом театрѣ быть художником и развѣ мало было и в Россіи, и во всѣх прочих странах актеров художников?

Впрочем, Художественный театр называется теперь Художественным Театром имени Горькаго. Прославился этот театр прежде всего и больше всего Чеховым, — вѣдь даже и донинѣ на его занавѣсѣ чайка, но вот приказали присвоить ему имя Горькаго, автора лубочнаго и насквозь фальшиваго «Дна», и Станиславскій с Немировичем покорно приняли это приказаніе, хотя когда-то Немирович торжественно, публично, во всеуслышаніе всей Россіи, сказал Чехову: «Это — твой театр, Антон». Как Кремль умѣет запугивать! Вот передо мной книга, изданная в Москвѣ в 1947 году — «Чехов в воспоминаніях современников», среди этих воспоминаній есть воспоминанія М. П. Чеховой, и между прочим такія слова ея: «Люди науки, искусства, литературы и политики окружали Антона Павловича: Алексѣй Максимович Горькій, Л. Н. Толстой, В. Короленко, Куприн, Левитан бывали здѣсь...» В послѣдніе годы Чехова я не только бывал, пріѣзжая в Ялту, каждый день в его домѣ, но иногда гостил в нем по недѣлям, с М. П. Чеховой был в отношеніях почти братских, однако она, теперь глубокая старуха, не посмѣла даже упомянуть обо мнѣ, трусливо пишет полностью: «Алексѣй Максимович Горькій и Вячеслав Михайлович Молотов», подобострастно говорит: «Вячеслав Михайлович Молотов выразил, очевидно, не только свое, но и всей совѣтской интеллигенціи мнѣніе, написав мнѣ в 1936 году: «Домик А. П. Чехова напоминает о славном

писатель нашей страны, и надо, чтобы многие побывали в нем. Почитатель Чехова В. Молотов». Какія мудрыя и благосклонныя слова!

«Художественный театр имени Горькаго». Да что! Это капля в морѣ. Вся Россія, переименованная в СССР, покорно согласилась на самыя наглыя и идиотскія оскорбленія русской исторической жизни: город Великаго Петра дали Ленину, древній Нижній Новгород превратился в Город Горькій, древняя столица Тверского Удѣльнаго Княжества, Тверь, — в Калинин, в город какого-то ничтожнѣйшаго типографскаго наборщика Калинина, а город Кенигсберг, город Канта, в Калининград, и даже вся русская эмиграція отнеслась к этому с полнѣйшим равнодушіем, не придавала этому ровно никакого значенія, — как, напримѣр, тому, что какой-то кудрявый пьяница, очаровавшій ее писарской сердцещипательной лирикой «под гармонь, под тальянку», о котором очень вѣрно сказал Блок: *«У Есенина талант пошлости и кощунства»*, в свое время обѣщал переименовать Россію Китежа в какую-то «Инонію», орал, раздирая гармонь:

Ненавижу дыханіе Китежа!
Обѣщаю вам Инонію!
Богу выщиплю бороду!
Молюсь ему матерщиною!

Я не чета каким-то там болванам,
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих прозрѣній дивных свѣтъ —
Я вижу все и ясно понимаю,
Что эра новая не фунт изюму вам,
Что имя Ленина шумит, как вѣтр, по краю!